

Оливия Ливингстон

Алгоритм вины: презумпция риска

Оливия Ливингстон

Алгоритм вины: презумпция риска

*<https://litres.ru/73989464>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В 2056 году НейроПаспорт решает, кому открываются двери. Белые проходят свободно, серые ждут проверки, красных ограничивают заранее — не за преступление, а за рассчитанную вероятность.

Адвокат Ксения Ветрова привыкла защищать эту систему, пока к ней не попадает дело Дмитрия Смелова — красного архитектора НейроКонтура, которому отказали в праве оспорить собственный статус именно потому, что он красный.

Ксения начинает нейроиск и быстро понимает: система считает опасным не только Смелова, но и саму попытку задать вопрос. Теперь каждый её аргумент снижает индекс доверия, каждое судебное действие приближает к красному статусу, а главная битва идёт не за оправдание человека, а за право проверить машину.

Содержание

АЛГОРИТМ ВИНЫ	4
От автора	5
ГЛАВА 1	7
Статус: белый	7
ГЛАВА 2	17
Допуск: временный	17
ГЛАВА 3	37
Индекс: 84,9%	37
ГЛАВА 4	61
Нейровиза: отказано	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алгоритм вины: презумпция риска

АЛГОРИТМ ВИНЫ

презумпция риска

*Право не может быть риск-фактором только потому,
что им воспользовались.*

От автора

Это книга про мир, в котором безопасность научились вычислять заранее. У каждого человека есть НейроПаспорт — цифровой индекс личности, который присваивает цвет: белый, серый, красный. Белый открывает двери. Красный их закрывает. И всё это происходит до того, как человек что-либо сделал, — на основании того, что он, по расчёту системы, способен сделать.

Героиня, адвокат Ксения Ветрова, начинает белой. Она привыкла, что двери открываются перед ней без звука, и долго принимает это за признак хорошей системы — пока одно дело не заставляет её спросить, чем расчёт вероятности отличается от приговора без вины.

У книги есть сквозной приём. В конце каждой главы приводится «Индекс НейроПаспорта Ксении» — системное сообщение, которым машина оценивает героиню. Это не украшение и не сводка. Это второй голос произведения — голос системы, которая видит человека через числа и не умеет отличить страх от спокойствия, а смысл от совпадения. По мере того как Ксения теряет доверие системы, она обретает себя; и читатель видит обе линии сразу — человеческую и машинную.

Это история о праве задавать вопрос. О том, как формулировка может стать и замком, и дверью. И о том, что иногда

самая важная победа звучит не как «свобода», а как «теперь это можно спросить».

ГЛАВА 1

Статус: белый

Цвет НейроПаспорта не является мерой наказания.

Цвет НейроПаспорта является способом индивидуального распределения правового доступа.
<i>— Из методических разъяснений НейроКонтура к Федеральному протоколу предиктивной безопасности</i>

В 2056 году слово «красный» перестало быть цветом.

Оно стало предупреждением.

Ксения Ветрова была белой.

Город узнавал это раньше, чем её лицо: по походке, температуре кожи, частоте дыхания, стабильности пульса, маршрутам за последние девяносто дней, истории профессиональных конфликтов, отсутствию просроченных обязательств и безупречному НейроПаспорту.

Перед ней двери открывались без звука.

Это всегда казалось ей признаком хорошей системы. Не справедливой — Ксения давно не пользовалась такими неточными словами. Просто хорошей. Рабочей. Предсказуемой.

Вестибюль Федерального центра правового допуска встретил её белым светом, полированным камнем и короткой строкой на прозрачном экране:

ВЕТРОВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

НЕЙРОПАСПОРТ: БЕЛЫЙ

ИНДЕКС ВЕРОЯТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:

3,8%

ПРАВОВОЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ

Турникет открылся до того, как она достала удостоверение адвоката.

Ксения прошла, не замедлив шага.

За соседней линией стоял мужчина лет пятидесяти. Куртка слишком тонкая для ноября, ладонь прижата к сканеру, взгляд неподвижный, будто он пытался убедить машину силой терпения.

Экран перед ним горел серым.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА.

ОЖИДАЙТЕ РЕШЕНИЯ КОНТУРА.

Очередь за мужчиной быстро росла, но никто не возмущался. Люди давно научились злиться тихо, если рядом работали датчики эмоциональной нестабильности.

— Он серый? — спросила девушка у охранника.

Охранник не посмотрел на мужчину. Только на экран.

— С наблюдением.

Девушка кивнула с таким выражением, будто получила медицинский диагноз чужого человека: неприятный, но не

заразный на расстоянии.

Мужчина услышал. Плечи у него дёрнулись, но ладонь со сканера он не убрал.

Ксения миновала его.

Она не испытывала ни раздражения, ни сочувствия. Система задерживала серых не потому, что они были виновны. Виновность оставалась вопросом суда. Опасность — вопросом расчёта. Серый статус означал всего лишь повышенную неопределённость. А неопределённость в правовом обороте всегда стоила времени.

Так Ксения объясняла это клиентам.

Так она объясняла это судьям.

Так она объясняла это себе, когда объяснение требовалось.

* * *

В лифте было пусто. Белый доступ поднимал её сразу на сорок второй этаж, минуя общие уровни. Лифт не спрашивал цель визита — НейроКонтур уже знал: в 09:30 заседание по рабочему нейродопуску, в 13:15 обед с Юрием Романовым. Между ними укладывалось ещё несколько дел, и ни одно из них не требовало, чтобы его запоминали.

День был обычный. Слишком обычный для четверга.

На стене лифта шла новостная строка:

**НЕЙРОКОНТУР ЗА ПЕРВЫЕ ТРИ КВАРТАЛА
2056 ГОДА ПРЕДОТВРАТИЛ 18 402 ПОТЕНЦИАЛЬНО
ЗНАЧИМЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ.**

Ниже шла строка мягче, почти социальная реклама:

ЦВЕТ НЕ ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИЧНОСТЬ. ЦВЕТ ПОМОГАЕТ ОБЩЕСТВУ УПРАВЛЯТЬ РИСКОМ.

Ксения отметила про себя: слово «ограничивает» нельзя ставить даже в отрицании — оно цепляется за память. Хороший комплаенс убрал бы его. Она подумала об этом так же, как думала о любой чужой ошибке: спокойно, сверху, без участия.

Лифт остановился.

Сорок второй этаж пах кофе, озоном и дорогой стерильностью. Здесь располагались залы ускоренного правового рассмотрения: белые адвокаты, белые эксперты, белые представители операторов систем, белые судьи с редкими серыми делами и ещё более редкими красными заявителями на экране.

Красные лично почти не приходили.

Не потому, что им было запрещено.

Запрет — грубый инструмент. Государство давно научилось обходиться без грубых инструментов. Красным требовались судебные нейровизы, сопровождающий маршрут и временное снижение территориального риска. Иногда этого хватало. Чаще — нет.

Формально это называлось обеспечением безопасности.

Фактически красные часто не успевали попасть туда, где им могли помочь.

* * *

В зале 42-8 рассматривали дело Матвеева: красный гражданин оспаривал отказ в рабочем нейродопуске. Он хотел вернуться к проектированию мостовых конструкций. НейроКонтур считал, что его вероятность саботажа критической инфраструктуры составляла 69,2% при пороге 67%.

Два процента отделяли его от профессии.

Два процента и заключение, которое Ксения подготовила за сорок минут.

Илья Матвеев присутствовал по видеоканалу. Лицо на экране было бледным, изображение слегка запаздывало. Красные каналы всегда запаздывали: так система снижала вероятность импульсивного воздействия на участников процесса. Ксения считала эту меру бессмысленной, но законной.

— Представитель заинтересованного лица, — сказал судья, — ваша позиция.

Ксения поднялась.

— Уважаемый суд, заявитель ошибочно отождествляет ограничение профессионального допуска с наказанием. Между тем оспариваемая мера имеет превентивный, временный и специализированный характер. Она не устанавливает вину заявителя, не содержит вывода о совершении им правонарушения и не препятствует реализации иных гражданских прав в пределах его текущего нейроправового статуса.

Матвеев на экране дёрнулся.

Из-за задержки реакция пришла поздно, как эхо.

— Я двадцать лет строил мосты, — сказал он. — Какие ещё иные права?

Судья сделал отметку.

— Заявитель, не перебивайте.

Ксения не посмотрела на экран. Нельзя было смотреть слишком долго. Красные часто принимали зрительный контакт за сочувствие, а сочувствие — за слабость позиции.

— Дополнительно отмечаю, — продолжила она, — что право на труд не является правом на осуществление конкретной профессиональной деятельности в условиях повышенного общественного риска. Оператор допуска действовал в рамках установленной модели. Нарушений процедуры пересчёта НейроПаспорта не выявлено.

Процедура.

Это слово держало мир лучше стали.

Суд удалился на четыре минуты и вернулся с отказом.

Матвеев слушал резолютивную часть молча. Когда связь отключилась, его лицо ещё мгновение оставалось на экране, застывшее между возражением и усталостью. Потом исчезло.

Зал стал чище.

Ксения сложила планшет в тонкую чёрную папку. Система не обязана ждать, пока возможность станет поступком. Это была не жестокость. Это была арифметика. Ксения умела считать.

* * *

В коридоре её догнал младший юрист из аппарата Романова. Белый, нервный, слишком молодой для сорок второго этажа.

Ксения видела его несколько раз на закрытых заседаниях. Кажется, Сотников. Иван Олегович. Из тех, кто говорит «коллеги» чуть раньше, чем получает право так обращаться.

— Ксения Сергеевна, Юрий Андреевич просит вас подняться раньше. По новому делу.

— У меня обед с ним в 13:15.

— Просит сейчас.

Она посмотрела на него.

Сотников сглотнул. Его НейроПаспорт на бейдже вспыхнул короткой строкой: БЕЛЫЙ, 12,4%. Высоковато для аппарата Романова. Значит, недавно переведён. Значит, боится.

— Срочно? — спросила Ксения.

— Да.

— Кто заявитель?

Он запнулся на долю секунды.

Достаточно, чтобы Ксения заметила.

— Дмитрий Смелов.

Имя ничего ей не сказало.

Но пауза сказала.

— Статус?

— Красный.

— Они все красные, если дело срочное.

Сотников понизил голос, хотя коридор слушал не ушами.

— Не просто красный. Он бывший архитектор ранней модели НейроКонтура. Индекс — 84,9. Ограничение усиленного уровня.

Ксения остановилась.

Усиленный уровень означал, что человек был опасен не действиями, а возможностями. Такие дела редко доходили до адвокатов. Их гасили раньше: на фильтре, на визе, на допуске, на корректировке маршрута.

— Что он хочет?

— Подать нейроиск.

— Пусть подаёт.

— Ему отказали в доступе.

— Основание?

Сотников посмотрел на неё так, будто ответ был очевиден и от этого особенно неприятен.

— Красный статус.

Ксения молчала секунду.

Потом ещё одну.

В юридической конструкции что-то щёлкнуло. Не сломалось. Просто стало видно место, где металл был тоньше.

— Его не допустили к оспариванию красного статуса, потому что он красный?

Сотников не ответил.

Это и был ответ.

— И Романов хочет, чтобы это вела я.

— Юрий Андреевич никогда не просит подняться раньше времени, — тихо сказал Сотников. — Сегодня попросил.

На стене коридора обновилась новостная строка:

НЕЙРОПАСПОРТ — НЕ ОГРАНИЧЕНИЕ. ЭТО ВАША ПЕРСОНАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ БЕЗОПАСНОСТИ.

Ксения посмотрела на неё и впервые за день подумала, что текст всё-таки был не просто плохой.

Он был честнее, чем собирался быть.

**[СИСТЕМНОЕ СООБЩЕНИЕ]
НЕЙРОПАСПОРТ: ВЕТРОВА К.С.
СТАТУС: БЕЛЫЙ**

Индекс доверия: 94 / 100

Индекс социальной совместимости: 91 / 100

Индекс эмоциональной стабильности: 88 / 100

Индекс непредсказуемости: 6 / 100 ▲ +2 за смену

**ПРАВОВОЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ: В ПРЕДЕЛАХ НОРМЫ**

Комментарий системы:

Зафиксирована остановка в коридоре уровня 42 длительностью 4,1 секунды без процедурной причины.

Отклонение незначимо. Наблюдение не требуется.

ГЛАВА 2

Допуск: временный

Правовой доступ не относится к числу неотчуждаемых прав. Он предоставляется в объёме, соответствующем текущему уровню доверия, и подлежит пересмотру при изменении поведенческого профиля субъекта.
<i>— Из Протокола правового допуска НейроКонтур, ст. 4</i>

Сорок третий этаж не значился в открытой схеме здания.

На табло лифта после сорок второго сразу шёл сорок четвёртый: отдел судебной аналитики, закрытые архивы, сектор независимых экспертиз. Между ними, как между двумя законными формулировками, был спрятан этаж, о существовании которого знали только те, кому Контур разрешал знать.

Ксения знала.

Лифт поднялся без остановок. Стекланные стены кабины на несколько секунд потемнели, скрывая город за матовой плёнкой. Это называлось режимом информационной гигиены: пассажир не должен был видеть маршруты закрытых уровней, если его допуск не предполагал пространственной

памяти.

Ксения всегда находила эту формулировку аккуратной.

Нельзя запретить человеку помнить место, где он был. Но можно сделать так, чтобы помнить было нечего.

На панели вспыхнула строка:

УРОВЕНЬ 43.

ЗАКРЫТЫЙ СЕКТОР ОПЕРАТОРА НЕЙРОКОНТУРА.

ДОСТУП: ПОДТВЕРЖДЁН.

Двери открылись.

Сорок третий этаж не пах кофе. Здесь вообще ничем не пахло. Воздух был выровнен до медицинской нейтральности: без озона, без пыли, без человеческого присутствия. Свет падал сверху широкими прямоугольниками, не оставляя теней там, где их можно было не оставлять.

У Юрия Романова не было кабинета.

У него был уровень допуска.

Кабинеты менялись: закрытый сектор суда, переговорная оператора НейроКонтур, правительственный бокс в Центре предиктивной безопасности. Романов везде выглядел одинаково — как человек, которому не нужно занимать пространство, потому что пространство заранее уступало ему место.

Он стоял у прозрачной стены переговорной и смотрел вниз, на город. Невысокий, сухой, в тёмном костюме без видимых марок. Седина у висков была не возрастом, а частью делового образа: ровно столько, чтобы внушать доверие, и

недостаточно, чтобы напоминать о слабости. Его белый НейроПаспорт не отображался на бейдже. Людям такого уровня не нужно было демонстрировать цвет.

Цвет предполагался.

— Ксения Сергеевна, — сказал он, не оборачиваясь. — Благодарю, что поднялись.

Это была одна из особенностей Романова: он благодарил так, будто фиксировал исполнение разумного действия, а не выражал признательность.

— Иван Олегович сказал, дело срочное.

— Сотников иногда говорит больше, чем требуется.

— Сегодня он сказал меньше, чем хотел.

Романов едва заметно улыбнулся.

— Значит, учится.

Он повернулся к ней и указал на стол. Стол был пуст. Никаких папок, планшетов, проводов, стаканов с водой. Только гладкая чёрная поверхность и тонкая линия встроенного интерфейса.

— Прошу.

Ксения села.

Система узнала её ладонь ещё до касания. На столе возникло её имя, затем короткий протокол присутствия:

ВЕТРОВА К.С.

СТАТУС: БЕЛЫЙ

ДОСТУП К МАТЕРИАЛАМ: ВРЕМЕННЫЙ

ОБЪЁМ: ПО РЕШЕНИЮ ОПЕРАТОРА

Последняя строка ей не понравилась.

Временный доступ был нормален. Доступ по решению оператора — тоже. Но вместе они означали, что материалы ей не передают, а показывают. Как вещь за стеклом.

— До начала, — сказал Романов, — уточню рамку. Разговор не является поручением до момента вашего согласия на принятие дела. Материалы, с которыми вы ознакомитесь, предоставляются в режиме предварительного правового допуска. Копирование, передача, извлечение фрагментов и формирование самостоятельных выводов вне протокола согласования не допускаются.

— Формирование самостоятельных выводов тоже? — спросила Ксения.

— Вне протокола.

— Удобная оговорка.

— Не оговорка. Защита от преждевременной интерпретации.

Он сел напротив. Между ними загорелся тонкий угольничек досье.

СМЕЛОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

НЕЙРОПАСПОРТ: КРАСНЫЙ

ИНДЕКС ВЕРОЯТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:

84,9%

РЕЖИМ: УСИЛЕННОЕ ПРЕВЕНТИВНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДОСТУП: ОГРАНИЧЕН

Фотография появилась последней.

Мужчина лет тридцати семи. Худое лицо, тёмные волосы, спокойный взгляд человека, который уже несколько раз объяснял очевидное тем, кому было выгодно не понимать. Никакой агрессии. Никакого безумия. Это Ксения отметила автоматически и тут же поправила себя: агрессия редко попадала в фотографию. Для этого и существовали профили.

— Бывший ведущий архитектор поведенческого блока ранней версии НейроКонтра, — сказал Романов. — До отстранения имел доступ к моделям второго и третьего уровня, включая протоколы прогностической корреляции.

— До отстранения?

— После внутреннего аудита.

— Формулировка красивая. За что отстранили?

— За нарушение режима исследовательского доступа, несанкционированное сохранение методических фрагментов и попытку внешнего обсуждения архитектурных ограничений модели.

— То есть за утечку?

— Нет. Утечку доказать не удалось.

— За попытку утечки?

— За создание условий риска.

Ксения посмотрела на досье.

Создание условий риска было удобнее попытки. Попытку нужно было привязывать к действию. Условия могли существовать почти безгранично.

— Он был красным до аудита?

— Нет.

— Серым?

— Белым.

— Индекс?

Романов сделал жест пальцами. На столе появилась динамика пересчётов.

2048 — 7,2%

2049 — 9,8%

2050 — 14,1%

2051 — 31,6%

2052 — 58,4%

2053 — 84,9%

График поднимался без резких скачков. Плавно. Убедительно. Так росла не истерика, а обоснование.

— Что произошло в 2051-м?

— Смелов начал системно оспаривать применение прогностической модели за пределами технических контуров. Сначала внутри проектной группы. Затем в экспертных обсуждениях. Затем через связанных лиц.

— Связанных лиц, — повторила Ксения. Не вопрос. Метка.

Романов не ответил сразу. На столе появилось второе досье.

МАЛЬЦЕВ ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ
НЕЙРОПАСПОРТ: КРАСНЫЙ

ИНДЕКС ВЕРОЯТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:

73,6%

МЕДИЦИНСКАЯ НЕЙРОВИЗА: ОТКАЗАНО

ОСНОВАНИЕ: НЕВОЗМОЖНОСТЬ БЕЗОПАСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Ксения прочитала строки дважды.

— Это к чему?

— К тому, что Смелов не действует один.

— Мальцев — соучастник?

— Нет.

— Свидетель?

— Потенциально.

— Пострадавший?

Романов посмотрел на неё.

— В этой категории сейчас заинтересован сам Смелов.

Ксения откинулась на спинку кресла.

— Юрий Андреевич, если вы хотите, чтобы я защитила отказ в доступе к суду, мне нужно понимать, кого именно вы хотите не пустить. Смелова, Мальцева или аргумент?

Романову понравился вопрос. Не эмоционально — профессионально. Это было видно по тому, как он немного замедлил ответ.

— Аргумент.

Вот теперь разговор стал точным.

За прозрачной стеной город лежал слоями: белые кварталы ближе к центру, серые жилые блоки дальше, красные

сектора на низких горизонтах, где реклама была дешевле, а свет — резче. С высоты сорок третьего этажа это не выглядело сегрегацией. Это выглядело планировкой. Отсюда даже красные сектора казались просто местами, где дешевле свет.

— Смелов пытается подать нейроиск, — сказал Романов. — Формально — об оспаривании собственного НейроПаспорта. Фактически — о признании недопустимой модели превентивного ограничения по вероятностному индексу. Он хочет атаковать саму конструкцию.

— У него есть право на иск.

— В пределах текущего нейроправового статуса.

— Это что-то меняет?

— Для красных усиленного уровня — да.

Романов вывел на стол выдержку из протокола.

ЛИЦО С УСИЛЕННЫМ ПРЕВЕНТИВНЫМ ОГРАНИЧЕНИЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ОГРАНИЧЕНО В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ РИСКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ, ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ КРИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНОГО МЕХАНИЗМА В ЦЕЛЯХ ОБХОДА ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР.

Ксения знала эту норму. Хуже — она знала её историю.

На стекле стола отражались её пальцы. Белые. Неподвижные. Интерфейс ждал касания, как суд ждёт признания.

Не дословно, но по конструкции. Такие фразы не появлялись сами: их собирали из заключений, судебных отказов,

экспертных позиций, осторожных допущений. Из маленьких профессиональных побед, после которых клиент благодарил за результат, а система получала новый способ не двигаться.

— Он хочет оспорить ограничение, — сказала она. — А вы ограничиваете его процессуальную активность, потому что он ограничен.

— Мы ограничиваем не оспаривание. Мы ограничиваем форму и объём доступа.

— Какая форма ему оставлена?

— Предварительный цифровой фильтр.

— Который отказал?

— В текущей редакции обращения — да. Возможность исправить обращение предоставлена. Срок — семь дней.

— У него есть представитель?

— Назначенный. Серый с допуском.

Ксения чуть подняла бровь.

— Щедро.

— Достаточно.

— Нет, — сказала она. — Если вы хотите, чтобы это устояло в суде, «достаточно» придётся описать лучше.

Романов снова улыбнулся.

— Именно поэтому вы здесь.

Он коснулся интерфейса, и досье Смелова свернулось до нескольких блоков.

РИСК-ФАКТОРЫ:

— **ДОСТУП К АРХИТЕКТУРНЫМ УЯЗВИМО-**

СТЯМ МОДЕЛИ

— **УСТОЙЧИВОСТЬ К КОРРЕКЦИОННЫМ ПРОТОКОЛАМ**

— **ВЫСОКАЯ КОГНИТИВНАЯ АВТОНОМИЯ**

— **СКЛОННОСТЬ К СИСТЕМНОМУ ОСПАРИВАНИЮ**

— **СПОСОБНОСТЬ ФОРМИРОВАТЬ ГРУППЫ ПРАВОВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Ксения задержалась на последней строке.

— «Группы правового сопротивления»?

— Термин технический.

— Нет. Термин политический, переодетый в технический.

— Ваша работа — не спорить с термином, а оценить его применимость.

— Моя работа — понять, где термин начнёт разваливаться под судьёй.

Романов кивнул.

— Поэтому мы хотим, чтобы позицию готовили вы.

Она посмотрела на него. В этой фразе было больше доверия, чем в комплименте, и больше контроля, чем в приказе.

— Вы хотите, чтобы я защитила отказ?

— Да.

— На каком основании?

— Процессуальная безопасность.

— Слишком широко.

— Предотвращение злоупотребления правом.

— Слишком привычно.

— Защита судебной системы от инструментализации лицом, обладающим знаниями о внутренних механизмах предиктивного ограничения.

Ксения молчала.

Это уже было лучше.

Формулировка имела позвоночник. Не очень красивый, но прочный. Из неё можно было сделать позицию: Смелов не лишён права на защиту; ему лишь предложена безопасная процедура фильтрации. Его особый статус требует особой формы доступа. НейроКонтур не препятствует суду, а защищает суд от использования в целях обхода законных ограничений.

Плохая конструкция.

Рабочая.

— Судья? — спросила она.

— Предварительное рассмотрение у Белого.

— Артём Викторович?

— Да.

Ксения знала Белого. Он не любил революций, но уважал аккуратные логические ловушки. Не идеальный судья для оператора. Не худший для Ксении.

— Почему не закрыть на фильтре окончательно?

— Смелов обжалует отказы быстрее, чем фильтр успевает формировать мотивировку.

— Значит, он не так уж ограничен.

— Ограничен достаточно, чтобы не попасть в процесс.

Недостаточно, чтобы перестать создавать процессуальный шум.

— Шум опасен?

— В его исполнении — да.

— Потому что он может выиграть?

Романов впервые посмотрел на неё без вежливой оболочки. Очень коротко. Почти незаметно.

— Потому что он может быть услышан.

Это было честно.

Слишком честно для сорок третьего этажа.

Ксения опустила взгляд на досье Мальцева.

— Медицинская нейровиза. Почему отказ?

— Невозможность безопасного сопровождения в белую клиническую зону.

— Диагноз?

— Последствия коррекционной процедуры.

— Добровольной?

— Согласованной.

— Это не одно и то же.

— В документах — одно.

Она подняла глаза.

— Кто согласовал?

— Мальцев. Под серым статусом с наблюдением. Красным он стал после отказа от продолжения коррекции.

Ксения не сказала ничего.

Человек согласился на коррекцию серым. Отказался продолжать — стал красным. Красному отказали в визе, которая нужна, чтобы устранить последствия той самой коррекции.

Петля была собрана так аккуратно, что в ней не к чему было придраться. Формально всё чисто. Иногда именно это было хуже всего.

— Вы считаете, Смелов использует Мальцева как повод?

— Я считаю, Смелов использует любой повод, который позволяет ему атаковать модель.

— А если повод реальный?

— Реальность повода не отменяет риска цели.

Ксения невольно усмехнулась.

— Это хорошая фраза.

— Возьмите.

— Она слишком хорошая. Судья Белый решит, что её написали до фактов.

— Разве не так обычно работают сильные позиции?

— Обычно — да. Но не при Белом.

Белый не любил, когда вывод приходил в зал раньше доказательства. Даже если вывод был правильным.

Романов чуть наклонил голову. Он слышал не возражение. Он слышал работу.

— Тогда перепишите.

Так просто. Будто она уже согласилась.

Ксения снова посмотрела на Смелова. Фотография не из-

менилась. Мужчина с красным индексом 84,9 смотрел из до-
сье спокойно, почти устало. В системе его называли субъек-
том усиленного ограничения. Романов называл его риском.
Сотников — заявителем.

Ксения пока не называла никак.

Это было безопаснее.

— Срок? — спросила она.

— Первичная позиция сегодня до 18:00.

— Заседание?

— Послезавтра.

— Быстро.

— Смелов добивается обеспечительных мер по Мальцеву.

— Медицинская нейровиза?

— Да.

— Если он выиграет обеспечительные меры, Мальцева
пустят в белую клинику?

— В теории.

— А на практике?

— На практике это создаст прецедент обхода медицин-
ского допуска через процессуальную жалобу.

— И спасёт человека.

Романов помолчал. Не потому, что ему стало неловко.
Неловкость не входила в его профессиональный диапазон.
Он просто выбирал, какой уровень правды допустим на этой
стадии разговора.

— Возможно, — сказал он. — Но правовая система не

может строиться на том, что каждый тяжёлый случай открывает новый проход.

— Иногда именно так она и строится.

— Тогда она перестаёт быть системой.

— Нет. Тогда она вспоминает, зачем ей двери.

Романов посмотрел на неё внимательнее.

Ксения поняла, что сказала лишнее. Не опасное. Пока. Но лишнее.

На столе рядом с её именем коротко мигнула точка. Не красная. Белая. Почти незаметная. Система не спорила с репликами. Она их фиксировала.

Она заметила. Романов тоже.

— Ксения Сергеевна, — сказал он мягче, — я понимаю, как выглядит дело на первый взгляд.

— На первый взгляд оно выглядит плохо.

— На первый взгляд почти любое ограничение выглядит плохо, если смотреть на него через одного человека.

— А через кого нужно смотреть?

— Через тех, кого это ограничение защищает.

— Они здесь есть?

— Всегда.

Он сказал это без пафоса. Именно поэтому фраза прозвучала убедительно.

Ксения не любила пустых гуманистов. Они проигрывали не потому, что были глупее, а потому что приходили в суд с человеком, когда другая сторона приходила с системой. Си-

стемы в суде выглядели лучше. У них были таблицы, прогнозы, отчёты, снижение вреда, предотвращённые аварии, проценты, сравнимые периоды.

У человека было лицо.

Лицо почти всегда проигрывало процентам.

— Что вы хотите получить от меня? — спросила она.

— Заключение о допустимости отказа в прямом доступе к нейроиску при сохранении ограниченной формы судебной защиты.

— И представительство?

— На предварительном заседании — да.

— Почему я? — Потому что вы умеете отличать жестокость от необходимости.

Он сделал короткую паузу. Не для драматизма — для точности.

— И потому что вы уже доказали суду, что превентивная мера не является наказанием, если у неё есть законная цель, ограниченный объём и процедура пересмотра.

Ксения поняла.

Вот оно.

Не комплимент. Не доверие. Крючок.

Он знал её старые позиции. Конечно, знал. В аппарате Романова не приглашали юристов по репутации. Их разбирали по формулировкам, как механизмы.

— А если процедуры пересмотра нет? — спросила она.

— Она есть.

— Цифровой фильтр, который отказал?

— Это часть процедуры.

— Часть, через которую нельзя пройти, — плохая часть.

— Поэтому есть представитель.

— Серый с допуском.

— Достаточный минимум.

— Опять это слово.

Романов сложил руки на столе.

— Закон почти всегда начинается с достаточного минимума. Максимумы пишут в декларациях.

Слишком много хороших фраз для одного плохого дела.

Ксения посмотрела на время. До одиннадцати оставалось меньше получаса. В её расписании ещё значилась консультация для оператора городской поведенческой аналитики. Она уже знала, что опоздает. Впервые за день расписание не сложилось само.

— Я посмотрю материалы, — сказала она.

— В режиме допуска.

— Разумеется.

— До 18:00?

— До 18:00 я скажу, можно ли из этого сделать позицию.

— Не позицию. Победу.

— Сначала позицию, — сказала Ксения. — Победу обещают те, кто ещё не читал материалы.

Романов поднялся. Разговор был окончен раньше, чем она решила, что он окончен.

— Сотников откроет вам временный контур материалов.

И, Ксения Сергеевна.

Она остановилась у двери.

— Слушаю?

— Смелов производит сильное впечатление на людей, которые впервые с ним контактируют. Не путайте силу впечатления с силой аргумента.

— Вы боитесь, что он меня убедит?

— Нет.

Романов подошёл ближе, но не настолько, чтобы это можно было считать давлением.

— Я боюсь, что вы решите проверить его аргумент самостоятельно.

— Это разве запрещено? — Нет. Запрет — грубый инструмент. Ничего из того, что разрушает карьеру, обычно не запрещено.

Он сказал это спокойно. Почти дружелюбно.

— Система не обязана наказывать, Ксения Сергеевна. Наказание слишком заметно. Ей достаточно пересчитать доверие.

Ксения открыла дверь. В коридоре её уже ждал Сотников — с временным доступом и лицом человека, которому велели не задавать вопросов.

На стекле переговорной за её спиной на секунду вспыхнула строка:

ВЕТРОВА К.С.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОСТУП ЗАВЕРШЁН.
ОЦЕНКА РЕАКЦИЙ: В ПРЕДЕЛАХ НОРМЫ.**

Ксения успела прочитать её до того, как стекло снова стало прозрачным.

В пределах нормы.

Пока.

**[СИСТЕМНОЕ СООБЩЕНИЕ]
НЕЙРОПАСПОРТ: ВЕТРОВА К.С.
СТАТУС: БЕЛЫЙ**

Индекс доверия: 93 / 100 ▼ -1

Индекс социальной совместимости: 91 / 100

Индекс эмоциональной стабильности: 87 / 100

Индекс непредсказуемости: 8 / 100 ▲ +2 за смену

**ПРАВОВОЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ: В ПРЕДЕЛАХ НОРМЫ**

Комментарий системы:

Зафиксированы 3 речевые реакции с признаками самостоятельной правовой оценки вне рамки оператора.

Ключевая реплика: «...вспоминает, зачем ей двери».

Отклонение незначимо. Рекомендации не требуются.

[служебная пометка — уровень доступа оператора]
Субъект сопоставлен с профилем «архитектор Смелов»
на этапе 2051. Совпадение паттерна: 11%.
Наблюдение не назначено.

ГЛАВА 3

Индекс: 84,9%

Контакт с лицом, индекс которого превышает установленный порог, не является запрещённым. Сведения о таком контакте подлежат учёту при динамической оценке поведенческого профиля субъекта.

*<i>— Из Протокола поведенческого учёта
НейроКонтур, ст. 9</i>*

Ксения не любила комнаты для дистанционных встреч. Они были слишком честными.

В обычной переговорной многое можно было спрятать: паузу — за глотком воды, раздражение — за поворотом кресла, сомнение — за листом бумаги. Даже молчание в живой комнате имело право быть человеческим. Оно могло означать усталость, расчёт, презрение, отсутствие нужной фразы.

В дистанционной комнате молчание становилось данными.

Четыре стены без окон. Стол из матового стекла. Один стул. Камера, которую не было видно, потому что видимая камера считалась психологическим давлением. Тонкая ли-

ния интерфейса по краю стола. На стене перед ней — пустой прямоугольник экрана, пока ещё серый.

Над дверью горела строка:

КОМНАТА АДВОКАТСКОГО КОНТАКТА / УРОВЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ 4

ЗАПИСЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ: ОГРАНИЧЕНА

ЗАПИСЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: АКТИВНА

Хорошая формулировка.

Эмоции будто бы не писали. Действия — да. Между эмоцией и действием НейроКонтур давно научился находить всё, что ему требовалось.

Ксения положила чёрную папку на стол. Села. Не стала сразу активировать канал.

Сначала открыла материалы, которые Сотников выгрузил во временный контур. Доступ был неудобным: документ нельзя было копировать, нельзя было сохранять заметки вне защищённого поля, нельзя было делать скриншоты, нельзя было выносить фрагменты в собственную базу. НейроКонтур позволял ей смотреть, но не владеть.

Юристы это ненавидели.

Ксения — особенно.

Верхняя строка досье Смелова снова была красной.

СМЕЛОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ
СТАТУС: КРАСНЫЙ

**ИНДЕКС ВЕРОЯТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
84,9%**

РЕЖИМ: УСИЛЕННОЕ ПРЕВЕНТИВНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

ФОРМА КОНТАКТА: ДИСТАНЦИОННАЯ / С ЗАДЕРЖКОЙ 1,8 СЕКУНДЫ

Задержка была ниже стандартной.

Обычным красным давали три секунды. Для усиленного уровня это было странно щедро. Или странно опасно. Ксения отметила это, не став пока делать вывод.

На соседней вкладке висел отказ в доступе к нейроиску. Документ был образцовым.

Не длинным. Не грубым. Не уязвимым.

Именно поэтому он был опасен.

В предоставлении прямого процессуального доступа отказано в связи с наличием признаков потенциального использования судебного механизма в целях обхода действующего режима превентивного ограничения. Заявителю сохранена возможность подачи обращения через предварительный цифровой фильтр с участием назначенного представителя.

Ксения прочитала ещё раз.

Слова были поставлены так, чтобы ни одно из них нельзя было ударить напрямую. Не «запрет». Не «лишение». Не «невозможность». Сохранена возможность. Предварительный фильтр. Назначенный представитель.

Дверь клетки была нарисована достаточно убедительно, чтобы её можно было назвать выходом.

Она активировала канал.

Серый прямоугольник на стене мигнул. По нему прошла тонкая полоса проверки. Затем экран стал чёрным, и только через секунду появилось лицо Дмитрия Смелова.

Фотография в досье его почти не врал.

Те же тёмные волосы, худое лицо, спокойный взгляд. Только в живом канале это спокойствие выглядело иначе. Не усталостью. Не покорностью. Скорее привычкой не отдавать системе лишнего.

Он сидел в пустой комнате, похожей на комнату Ксении, только хуже освещённой. За его спиной не было ни окна, ни личных вещей. Красные помещения не предполагали деталей, за которые взгляд мог бы зацепиться и назвать их жизнью.

В углу экрана горела строка:

СУБЪЕКТ: СМЕЛОВ Д.А.

КРАСНЫЙ СТАТУС / УСИЛЕННЫЙ УРОВЕНЬ

РЕЧЕВАЯ ЗАДЕРЖКА: 1,8 СЕК.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ФИЛЬТРАЦИЯ: АКТИВНА

— Ксения Сергеевна Ветрова, — сказал он.

Из-за задержки его губы успели закрыться раньше, чем фраза пришла в комнату.

Даже приветствие красного появлялось с опозданием.

— Дмитрий Андреевич.

— Значит, они прислали вас.

— Вы знаете меня?

— Я знаю ваши заключения.

Это было хуже знакомства.

Ксения слегка откинулась на спинку стула.

— Тогда вы знаете, что я представляю не вас.

— Пока.

Задержка испортила бы большинство реплик. Его — нет. Он говорил так, будто оставлял системе время догнать смысл.

— Я не принимала ваше дело, — сказала Ксения. — Сейчас я оцениваю позицию оператора.

— Оператор оценивает вас.

— Это его право.

— Нет. Это его привычка.

Ксения посмотрела в досье, хотя нужды не было. Иногда взгляд в документы был способом напомнить собеседнику, что он не единственный источник информации.

— Начнём с начала. Вы пытаетесь подать нейроиск об оспаривании собственного НейроПаспорта.

— Нет, это не так.

Она подняла глаза.

— В материалах указано именно это.

— В материалах указано то, что им удобно читать.

— Тогда сформулируйте в чем суть ваших требований.

Смелов слегка улыбнулся. Не приятно. Не вызывающе.

Как человек, которому дали возможность произнести фразу, уже много раз отвергнутую фильтром.

— Я пытаюсь оспорить не свой НейроПаспорт. Я пытаюсь оспорить право НейроПаспорта решать, могу ли я его оспорить.

Ксения молчала.

— Это красивая формула, — сказала она. — В суде красивые формулы обычно проигрывают, если за ними нет предмета.

— Предмет есть. Дверь.

— Дверь?

— Та, которую они называют предварительным цифровым фильтром.

Ксения открыла отказ.

— Вам сохранена возможность подачи обращения через фильтр с участием назначенного представителя.

— Назначенного представителя зовут Глазов. Он серый с допуском. Ему нельзя открывать мои технические приложения без дополнительной проверки. Дополнительная проверка проводится фильтром, который проверяет мои приложения на риск обхода фильтра.

— Это можно оспорить.

— Где?

Ксения не ответила сразу.

Смелов чуть наклонил голову.

— Вот. Обычно в этом месте белые делают паузу.

— Обычно красные в этом месте начинают говорить громче.

— Громкость ухудшает профиль.

— Удобно.

— Не для меня.

Он сказал это ровно. Без нажима. Но впервые в его голосе появилось что-то похожее на живое раздражение. Система пропустила его с опозданием и слегка сгладила верхний тон.

Ксения увидела это на аудиолинии.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК: СНИЖЕН ДО ПРОЦЕССУАЛЬНО ДОПУСТИМОГО УРОВНЯ.

Она отметила ещё одну вещь: Смелов видел, что она видит. На его стороне, вероятно, стоял такой же индикатор. Встреча была не разговором двух людей. Это был разговор двух людей через третьего, который редактировал воздух между ними.

— Дмитрий Андреевич, — сказала она, — я не ваш оппонент. Пока что.

— Тогда кто вы?

— Человек, который должен понять, есть ли у вашего аргумента юридическая форма.

— У моего аргумента есть форма, но её не пускают к судье.

— Потому что вы красный усиленного уровня.

— Потому что я красный усиленного уровня.

Они произнесли одну и ту же фразу.

У Ксении она была основанием.

У него — абсурдом.

— Ваш индекс — 84,9, — сказала она. — Для суда это не фон. Это значимое обстоятельство.

— Для суда значимым должно быть действие.

— Не только. Суд оценивает риски.

— Суд проверяет доказательства.

— В обеспечительных процедурах — не всегда.

— Значит, вы уже проиграли.

Ксения прищурилась.

— В чём?

— В языке. Вы сказали «процедура» раньше, чем сказали «право».

Она не любила, когда собеседник замечал слишком много. Это усложняло работу и почти всегда ухудшало качество манипуляции.

— А вы сказали «проиграли» раньше, чем попали в процесс, — ответила она. — Симметрия не в вашу пользу.

Смелов посмотрел на неё внимательнее. Задержка на канале сделала этот взгляд длиннее, чем он был.

— Они правильно вас выбрали, хорошее решение.

— Романов?

— Романов выбирает не людей. Он выбирает формулировки, которые могут выжить после людей.

Ксения не ответила. Это было слишком похоже на правду, чтобы спорить, и слишком удобно, чтобы соглашаться.

Она закрыла отказ и открыла динамику индекса Смелова.

— Ваш риск-контур рос шесть лет. Плавно. Без скачков.

Это сильная картина для НейроКонтура.

— Сильная картина не обязательно верная и обоснованная.

— Зато убедительная.

— Я знаю. Я помогал делать её убедительной.

Вот первая трещина — не в деле, в собеседнике.

Ксения увидела не оправдание, а признание участия. Смелов не пытался выйти из системы чистым. Он сидел внутри красного статуса как человек, который слишком хорошо знал, из какого материала сделаны стены.

— Вы участвовали в разработке поведенческого блока.

— Ранней версии.

— Считаете это смягчающим обстоятельством?

— Нет.

— Отягчающим?

— Для них — да. Для меня — поздним образованием.

— Вы нарушили режим исследовательского доступа.

— Да.

Ксения остановилась.

Большинство людей в этот момент начинали торговаться с формулировкой: не нарушил, не так понял, не хотел, не имел умысла, действовал в интересах общества. Смелов сказал «да» так, будто вопрос был несущественным.

— Несанкционированно сохранили методические фраг-

менты?

— Да.

— Пытались вынести обсуждение архитектурных ограничений модели за пределы группы?

— Да.

— Вы понимаете, что это подтверждает позицию оператора?

— Конечно, я это понимаю.

— Тогда зачем вы это говорите?

— Потому что вы спросили.

— В суде такая честность вам не поможет.

— Неправда. Она не поможет вам сделать из меня удобную жертву.

Ксения замолчала. Это было точнее, чем она хотела.

Смелов не пытался стать белым в её глазах. Он не просил стереть вину, не просил назвать его безопасным, не просил верить в благие намерения. Он отказывался от роли невинного страдальца, потому что понимал: невинных система иногда жалела, но никогда не боялась.

— Вы хотите, чтобы суд увидел вас опасным? — спросила она.

— Я хочу, чтобы суд наконец разделил опасность для системы и опасность для окружающих меня людей.

— Очень тонкое различие.

— Нет. Грубое. Просто им выгодно делать вид, что оно тонкое.

Ксения посмотрела на его индекс.

84,9.

Красный, усиленный уровень.

Не убийца. Не обвиняемый. Не осуждённый.

Риск.

Слово было удобным потому, что помещало в себя слишком многое.

— Вы понимаете, что ваш нейроиск в текущей редакции выглядит как попытка использовать судебный механизм для обхода превентивных мер?

— Да, естественно я это понимаю.

— И вы не собираетесь это отрицать?

— Я собираюсь сказать, что любой иск против ограничения выглядит как обход ограничения для того, кто хочет его сохранить.

Ксения почти улыбнулась. Почти.

— Это уже лучше.

— Я рад пройти ваш первичный фильтр.

— Не обольщайтесь. Мой фильтр хуже цифрового.

— Нет. Ваш можно заставить сомневаться. И да, вы уже сомневаетесь.

На этот раз точка на столе мигнула заметнее. Ксения увидела её периферийным зрением. Смелов тоже.

— Он уже пишет? — спросил он.

— Кто?

— Контур.

— Контур пишет всегда.

— Нет. Сейчас он начал писать о вас.

Она не ответила, но задумалась.

Его взгляд сместился чуть ниже камеры, туда, где на его стороне, вероятно, отражались параметры разговора.

— У вас белый статус, индекс ниже пяти, полный правовой доступ, высокая эмоциональная стабильность. Но вы уже дважды задержали ответ дольше своего среднего профессионального интервала.

— Вы не имеете доступа к моему профилю.

— Мне и не нужен доступ. Вы хороший адвокат. Хорошие адвокаты отвечают быстрее, когда уверены.

— А плохие?

— Плохие начинают злиться.

— Красным лучше не учить белых эмоциональной стабильности.

— Белые всегда думают, что стабильность — их свойство и привилегия. На самом деле это обслуживание.

— Это предубеждение.

— Нет. Опыт, Ксения Сергеевна.

Фраза была грубой. И слишком точной.

Ксения почувствовала раздражение. Небольшое, управляемое, почти профессиональное. Этого было достаточно, чтобы она взяла паузу.

На стене рядом с экраном появилось уведомление:

РЕКОМЕНДАЦИЯ: СОХРАНЯТЬ ПРОЦЕССУ-

АЛЬНУЮ ДИСТАНЦИЮ.

Смелов прочитал его по её лицу.

— Вот, — сказал он. — Они уже помогают вам не услышать меня.

— Они помогают мне не тратить время на риторику.

— Тогда перейдём к фактам.

— Отлично, приступим.

На экране рядом с лицом Смелова появилось третье досье. Не его — Мальцева.

МАЛЬЦЕВ ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ

СТАТУС: КРАСНЫЙ

МЕДИЦИНСКАЯ НЕЙРОВИЗА: ОТКАЗАНО

ОСНОВАНИЕ: НЕВОЗМОЖНОСТЬ БЕЗОПАСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Ксения уже видела эти строки у Романова. Но в комнате дистанционного контакта они выглядели иначе. У Романова досье Мальцева было элементом риска. У Смелова — почти единственным местом, где голос стал жёстче.

— Вы используете Мальцева как фактическую основу вашего иска?

— Я использую Мальцева как человека, которого они успеют убить до того, как вы закончите спорить о терминах.

— Осторожнее.

— Видите? Даже глагол нужно выбирать так, чтобы он понравился системе и Вам.

— Слово «убить» здесь юридически некорректно.

— А «отказать в маршруте к лечению после коррекции, последствия которой ухудшились из-за отказа в маршруте к лечению» достаточно юридически крепко?

Ксения открыла медицинский отказ.

— Вы были инициатором его публичного выступления?

Смелов не ответил сразу. Задержка канала съела первую секунду. Вторая осталась его.

— Да.

— Он подтвердил дефект модели по вашей просьбе?

— Не по просьбе. После разговора со мной.

— Удобное различие.

— Нет. Точное.

— После этого его индекс начал расти?

— После этого его начали пересчитывать чаще.

— А потом он согласился на коррекцию?

— Его убедили, что это единственный способ остаться серым.

— Кто убедил?

— Те, кто потом назвал согласие добровольным.

Ксения отметила фразу. Не потому что она была красива.

Потому что она была пригодна.

— Вы чувствуете вину перед Мальцевым?

Смелов посмотрел прямо в камеру. Некоторое время экран молчал. Потом пришёл ответ.

— Это вопрос для протокола?

— Пока нет.

— Тогда зачем он вам?

— Чтобы понять Ваш мотив.

— Мотив простой. Я дал человеку аргумент. Система дала ему статус. Теперь вы спрашиваете, не слишком ли острым был аргумент.

— Вы могли не вовлекать его в свои игры.

— Вы могли не писать заключения, которые сейчас используют против нас.

Комната стала тише. Технически тишина не изменилась. Но Ксения вдруг услышала, как работает вентиляция.

— Вы не знаете моих заключений, — сказала она.

— Знаю одно. Достаточно.

— Какое?

— 2052 год. Дело о временном ограничении профессионального доступа на основании прогностического риска. Вы писали, что превентивная мера не является наказанием при наличии законной цели, ограниченного объёма и процедуры пересмотра.

Ксения смотрела на него без выражения.

Он продолжил:

— Законная цель у них есть всегда. Ограниченный объём они рисуют как хотят. А процедуру пересмотра ставят за дверь, которую открывают только белым.

Романов был прав. Смелов производил сильное впечатление.

Дело было не в харизме — Ксения харизме не доверяла.

Харизма плохо переносила протокол. Смелов был опаснее: он говорил так, будто уже проиграл всё личное и потому мог позволить себе точность.

— Если вы знаете мои позиции, — сказала она, — почему согласились со мной говорить?

— Потому что вы умеете строить клетки. Значит, можете понять, где у них петли.

— Комплимент сомнительный.

— Я не делаю комплиментов белым адвокатам.

Ксения открыла вкладку с процессуальным фильтром.

— Вернёмся к иску. Что вы хотите от суда на первом этапе?

— Прямой доступ к рассмотрению. Обеспечительные меры по Мальцеву. Раскрытие оснований расчёта моего индекса в части, использованной для ограничения процессуального доступа.

— Раскрытие архитектуры НейроКонтурa вам не дадут.

— Я не прошу архитектуру.

— Просите.

— Нет. Я прошу показать, где в расчёте риск преступления, а где риск неудобного вопроса.

Ксения записала это в защищённое поле. Интерфейс тут же пометил запись:

ФРАГМЕНТ СОДЕРЖИТ ОЦЕНОЧНУЮ ФОРМУЛИРОВКУ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ ТРЕБУЕТ ПРАВОВОЙ НЕЙТРА-

ЛИЗАЦИИ.

Ксения почти услышала в этом голос Романова.

Правовая нейтрализация была хорошим термином. Он означал превращение живой мысли в приемлемую.

— А если суд откажет? — спросила она.

— Он откажет.

— Тогда зачем?

— Чтобы отказ был произнесён человеком, а не фильмом.

— Это символический интерес.

— Это процессуальный след.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы собираете цепочку отказов.

— Нет. Они её собирают. Я только перестал выбрасывать копии.

— Для чего?

— Чтобы однажды кто-то не смог сказать, что не знал, где выход был закрыт.

Ксения закрыла досье Мальцева.

— Вы понимаете, что с такой позицией вас легко представить не заявителем, а угрозой судебной системе?

— Пусть представят.

— Это ухудшит ваш индекс.

— Он и так красный.

— Красный — не предел.

Эта фраза прозвучала жёстче, чем она планировала. Сме-

лов принял её спокойно.

— Знаю.

Впервые в его голосе не было ни иронии, ни сопротивления. Просто факт.

— Усиленный уровень можно расширить, — сказала Ксения. — Ограничить каналы. Закрыть внешние контакты. Убрать представителя. Перевести в сопровождение.

— Они уже пробовали.

— **И?**

— Оказалось, что полностью изолированный красный плохо подходит для демонстрации гуманности системы.

Ксения невольно подумала: это тоже пригодно. Почти всё, что он говорил, было непригодно в чистом виде и ценно после обработки. Слишком острое, слишком человеческое, слишком прямое. Но под этим был материал.

Она начинала понимать, почему Романов хотел, чтобы Смелов не дошёл до судьи.

— Почему вы не приняли сделку? — спросила она.

— Какую?

— Вам наверняка предлагали снижение статуса за прекращение активности.

Смелов улыбнулся. На этот раз почти по-настоящему.

— Вы тоже хорошо знаете систему.

— Я знаю людей, которые её обслуживают.

— Предлагали.

— Что именно?

— Серый статус после добровольной коррекции. Возврат части профессионального доступа. Возможность проживания вне красного сектора через два года стабильного поведения.

— Условия?

— Молчание о Мальцеве. Отзыв жалоб. Признание корректности базовой модели.

— Вы отказались.

— Я красный, Ксения Сергеевна. А не идиот.

Ксения промолчала. Она привыкла, что красные на этом месте либо умоляют, либо угрожают. Смелов поступал иначе, у системы не было кода: он торговался не за себя.

— Красные тоже хотят жить нормально.

— Именно поэтому сделки работают.

Он произнёс это без презрения. Скорее с усталостью.

— Вы осуждаете тех, кто соглашается?

— Нет.

— Тогда почему отказались?

Смелов посмотрел не в камеру, а чуть в сторону. Как будто там, за пределами экрана, было что-то, чего Ксения не видела. Или кто-то.

— Потому что Игорь согласился первым.

В комнате стало холоднее — не физически: просто фраза заняла больше места, чем должна была.

Ксения не стала уточнять сразу. Иногда хороший ответ нужно было не трогать, чтобы он сам показал форму.

Смелов продолжил:

— Он согласился на коррекцию, чтобы остаться серым. Подписал всё, что они дали. Прошёл первую процедуру. После второй сказал, что больше не может. Его покрасили за отказ от продолжения. Теперь ему нужна виза, чтобы лечить последствия того, на что он согласился ради цвета.

Он замолчал. Задержка канала сделала молчание рваным.

— Я не прошу суд признать меня хорошим человеком, — сказал он наконец. — Я прошу суд признать, что нельзя строить дверь так, чтобы она открывалась только тем, кому не нужно выходить.

Ксения смотрела на него.

На столе рядом с её именем снова мигнула точка. Белая. Пока.

— Я не ваш адвокат, — сказала она.

— Пока что, да.

— Не повторяйте.

— Тогда станьте.

— Вы не в том положении, чтобы выбирать.

— Вы тоже.

Она подняла взгляд. Вот теперь он сказал лишнее. И, кажется, знал.

— Объясните, — сказала она.

— Романов не пришёл бы к вам, если бы ему нужна была просто победа. Победу он получил бы без вас. Ему нужно, чтобы отказ выглядел так, будто его проверил человек, ко-

торому можно верить.

— Это называется правовая экспертиза.

— Нет. Это называется белая подпись.

Фраза ударила точно. Не громко. Даже не грубо. Просто попала в то место, где профессиональная гордость Ксении и её белый статус слишком давно стояли рядом.

— Осторожнее, Дмитрий Андреевич.

— Вы уже второй раз говорите мне быть осторожнее.

— Потому что вы второй раз путаете точность с провокацией.

— А вы путаете осторожность с нейтральностью.

Ксения закрыла все вкладки. Интерфейс предложил сформировать краткое резюме встречи. Она отклонила.

Резюме, составленное системой после разговора о системе, было бы слишком хорошей шуткой.

— На этом достаточно, — сказала она. — Я изучу материалы.

— В режиме допуска?

Ксения не ответила.

Смелов чуть наклонился к камере. Из-за задержки движение пришло дробно, как будто его лицо на секунду стало набором кадров.

— Ксения Сергеевна.

Она остановила палец над кнопкой завершения.

— Что?

— Когда будете читать отказ Мальцеву, не ищите ошибку.

— А что искать?

— Правило.

Связь оборвалась не сразу. Сначала исчез звук. Потом строка с его индексом. Потом лицо. Последним остался красный статус, будто системе требовалось ещё мгновение, чтобы убрать предупреждение из комнаты.

Экран стал серым.

Ксения несколько секунд смотрела на пустой прямоугольник.

Потом открыла отказ по Мальцеву.

Не потому, что Смелов попросил. Потому что он был прав в одном: если ошибка отсутствовала, искать нужно было правило.

На столе появилось новое уведомление:

КОНТАКТ ЗАВЕРШЁН.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: 38 МИН. 12 СЕК.

КОНТАКТ С ЛИЦОМ ВЫШЕ ПОРОГА: ПОДТВЕРЖДЁН.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ПОВТОРНОГО НЕПРОТОКОЛИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.

Ксения провела пальцем по строке и закрыла уведомление.

Потом открыла его снова.

Не было никакой причины делать это дважды.

Кроме той, которую система уже, вероятно, записала.

[СИСТЕМНОЕ СООБЩЕНИЕ]
НЕЙРОПАСПОРТ: ВЕТРОВА К.С.
СТАТУС: БЕЛЫЙ

Индекс доверия: 92 / 100 ▼ -1

Индекс социальной совместимости: 90 / 100 ▼ -1

Индекс эмоциональной стабильности: 84 / 100 ▼ -3

Индекс непредсказуемости: 12 / 100 ▲ +4 после контакта

с лицом выше порога

ПРАВОВОЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОСТУП: ПОЛНЫЙ

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ: В ПРЕДЕЛАХ ДОПУСТИМОГО КОРИДОРА

Комментарий системы:

Зафиксировано 7 пауз сверх среднего профессионального интервала.

Ключевая реакция: повторное открытие уведомления о контакте

без процедурной необходимости.

Отклонение незначимо. Рекомендовано сохранять процессуальную дистанцию.

[СЛУЖЕБНАЯ ПОМЕТКА / ДОСТУП ОПЕРАТО-

РА]

Субъект сопоставлен с профилем «архитектор Смелов» на этапе 2051.

Совпадение паттерна: 18% (предыдущее значение: 11%).

Динамика положительная. Режим наблюдения — на пере-
смотре.

ГЛАВА 4

Нейровиза: отказано

Нейровиза не является ограничением свободы передвижения. Она обеспечивает безопасное пересечение территорий с различным уровнем нейрорядового риска.

<i>— Из Правил территориального допуска НейроКонтур, ст. 2</i>

Нейровизу в красный сектор Ксении одобрили за двадцать семь секунд.

Это было быстро даже для белого статуса.

На экране появилось:

НЕЙРОВИЗА: ОДОБРЕНА

**ТИП: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ / АДВОКАТСКИЙ
КОНТАКТ**

МАРШРУТ: БЕЛАЯ ЗОНА — СЕКТОР К-17 — ОБРАТНЫЙ ВЫХОД

**ДОПУСТИМОЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ: 1 ЧАС 40
МИНУТ**

КОНТАКТЫ С ЛИЦАМИ ВЫШЕ ПОРОГА: УЧИТЫВАЮТСЯ

ВЛИЯНИЕ НА ПРОФИЛЬ: НЕЗНАЧИТЕЛЬНО

ПРИ СОБЛЮДЕНИИ МАРШРУТА

Последняя строка была написана почти успокаивающе.

Ксения знала цену таким строкам. «Незначительно» никогда не означало «никак». Оно означало: система оставляет за собой право решить позже.

Водитель ей не требовался. Белые пользовались автономным транспортом без сопровождения. Красные — почти никогда. Серые — в зависимости от маршрута, времени суток и последних пересчётов.

Машина ждала у нижнего входа Федерального центра правового допуска: белая, бесшумная, без номера на корпусе. Номер не нужен был там, где транспорт узнавали по маршруту, пассажиру и степени допустимого доверия.

Ксения села на заднее сиденье. Дверь закрылась мягко, без щелчка.

— Подтвердите цель поездки, — сказала машина.

Голос был женским, нейтральным, без возраста.

— Адвокатский контакт. Сектор К-17. Мальцев Игорь Андреевич.

— Контакт с лицом красного статуса подтверждён. Рекомендовано сохранять процессуальную дистанцию. Подтвердите осознанное пересечение зоны повышенного правового риска.

— Подтверждаю.

— Подтвердите отсутствие личного интереса к субъекту
Мальцев И.А.

Ксения посмотрела на пустое водительское место.

— Профессиональный интерес.

— Ответ принят. Отсутствие личного интереса подтверждено.

Это было не совсем то, что она сказала. Но системы всегда лучше людей понимали, какие ответы им нужны.

Машина тронулась.

Белая зона уходила назад без усилия: стеклянные фасады, сухие деревья в закрытых дворах, тихие витрины без цен, люди в одежде правильных оттенков. Здесь почти никто не смотрел на турникеты. Турникеты смотрели на них. У кофейни на углу очередь стояла двумя линиями — широкой и узкой. Узкая, для серых, вела к окну выдачи со стороны служебного входа. Никто в широкой линии не смотрел в сторону узкой; это было не запрещено, просто не принято.

Через десять минут стекло справа затемнилось, потом показало карту.

**ВЫ ПОКИДАЕТЕ ЗОНУ БЕЛОГО ДОСТУПА.
ДАЛЬНЕЙШИЙ МАРШРУТ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
ПО НЕЙРОВИЗЕ.**

**РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ИЗМЕНЯТЬ ТОЧКИ
ОСТАНОВКИ. НЕ ВСТУПАТЬ В НЕПРОТОКОЛИ-
РОВАННЫЕ КОНТАКТЫ. НЕ ПРИНИМАТЬ ПРЕД-
МЕТЫ ОТ ЛИЦ КРАСНОГО СТАТУСА.**

Ксения прочитала до конца.

— Отключить рекомендации.

— Рекомендации не подлежат отключению в зоне повышенного риска.

— Скрыть визуальное отображение.

— Отображение скрыто.

Текст исчез. Смысл остался.

Город менялся постепенно — так, чтобы его нельзя было обвинить в границе. Сначала пропали чистые фасады. Потом реклама стала ниже и громче — не товары, а услуги допуска: помощь в обжаловании статуса, сопровождение красных к врачу, «подготовка профиля к пересмотру — честно, без обещаний». На одном экране подросток в школьной форме смотрел в камеру, и подпись обещала родителям «ранний профиль с четырнадцати лет — знайте траекторию ребёнка заранее». Ксения отвела взгляд раньше, чем успела подумать почему. Потом дома сдвинулись теснее, будто им не хватало допуска к воздуху.

Красный сектор не выглядел разрушенным.

Это было хуже.

Он выглядел обслуживаемым по минимуму: достаточно света, чтобы не назвать темнотой; достаточно медицины, чтобы не назвать отказом; достаточно закона, чтобы не назвать произволом.

На въезде в К-17 машину остановил не шлагбаум. Шлагбаумы оставались в старых фильмах. Здесь дорога просто перестала быть доступной.

Перед лобовым стеклом возникла красная сетка.

ВХОД В СЕКТОР К-17.

НЕЙРОВИЗА: ДЕЙСТВИТЕЛЬНА.

ПАССАЖИР: ВЕТРОВА К.С.

СТАТУС: БЕЛЫЙ.

ЦЕЛЬ: АДВОКАТСКИЙ КОНТАКТ.

**ДОПУСТИМОЕ ОТКЛОНЕНИЕ ОТ МАРШРУТА:
12 МЕТРОВ.**

Двенадцать метров.

Ксения усмехнулась.

В белой зоне она могла опоздать на встречу, свернуть за кофе, выйти из здания через другой вход и не объяснять это никому. В красной зоне ей оставляли двенадцать метров свободы.

— Маршрут подтверждён, — сказала машина. — При нарушении коридора движения НейроВиза может быть приостановлена.

— И меня заберут.

— Будет осуществлена процедура безопасного выхода.

Ксения не стала спорить с машиной. Машины выигрывали спор не аргументами, а исполнением.

Она вышла у жилого блока.

Воздух здесь был другим. Не грязным. Просто человеческим. Пахло влажной одеждой, дешёвым синтетическим кофе, медицинским антисептиком, горячим металлом, чем-то жареным из автомата у перехода. После сорок третьего этажа это казалось почти неприличным.

Перед подъездом стояли двое подростков. Один — высокий, сутулый, в серой куртке. Второй — младше, с выбритым виском и красным браслетом сопровождения на запястье. Они оба замолчали, когда увидели Ксению.

Не потому что узнали. Потому что белое платье в красном секторе было громче сирены.

— Адвокат? — спросил старший.

— Проходите, — сказал младший, не дожидаясь ответа.

— Я не спрашивала дорогу.

— А тут белые просто так не ходят.

Ксения посмотрела на него. Браслет на его запястье коротко мигнул, фиксируя контакт.

Старший толкнул младшего плечом.

— Не тупи.

— Я и не туплю. Я вежливый.

— С белыми не надо быть вежливым.

Они отошли к стене. Ксения прошла мимо.

У подъезда её встретил сканер. Старый, настенный, с заёртым стеклом, на котором кто-то ногтем выцарапал короткое слово: ВЕРЬ.

Ниже другим почерком было добавлено: НЕ ЕЙ.

Ксения приложила ладонь.

Сканер думал долго. Слишком долго для её статуса. Потом открыл дверь и показал маршрут:

ЭТАЖ 9. КВАРТИРА 914.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ МАРШРУТА: 0 М.

НАПОМИНАНИЕ: НЕ ПРИНИМАЙТЕ ПРЕДМЕТЫ ОТ ЛИЦ КРАСНОГО СТАТУСА.

В подъезде пахло старым пластиком и чужой усталостью.

Лифт работал. Это было почти неожиданно. Кабина поднялась рывками, как будто каждый этаж должен был отдельно разрешить её движение. На пятом вошла женщина с пакетом лекарств. Увидела Ксению, увидела белый интерфейс на её браслете нейровизы и отвернулась слишком быстро.

На седьмом лифт остановился, но двери не открылись.

ПРИОРИТЕТНЫЙ МАРШРУТ БЕЛОГО ГОСТЯ. ОСТАНОВКА ОТМЕНЕНА.

Ксения почувствовала, как женщина с пакетом рядом напярлась.

— Извините, — сказала Ксения.

Женщина не стала смотреть на неё.

— Это не вы.

Ответ был хуже упрёка.

На девятом этаже двери открылись.

Коридор был узким, но чистым. Чистота здесь не выглядела стерильностью. Она выглядела усилием. У двери 914 стоял Дмитрий Смелов.

Не на экране. Живой.

Ксения остановилась на шаг раньше, чем требовал протокол. Она заметила это сама. Вероятно, Контур тоже.

Смелов был выше, чем казался на канале. Худой, в тёмной рубашке без воротника, с теми же спокойными глазами.

Красный браслет сопровождения на его запястье не мигал. Он горел ровно, как маленькая узаконенная рана.

— Вы отклонились от маршрута на один метр, — сказал он.

— Добрый день, Дмитрий Андреевич.

— Это не день. Это разрешённый временной слот.

— Вы всегда так встречаете адвокатов?

— Белых — да.

Он отступил от двери.

— Мальцев внутри.

— Вы не должны были встречать меня в коридоре.

— Я знаю.

— Это ухудшит ваш профиль.

— Он переживёт.

— Вы — не факт.

Смелов посмотрел на неё почти с интересом.

— Значит, разговор сработал.

— Не переоценивайте себя.

— Я переоцениваю систему. Она быстрее вас признает, что вы уже здесь не по поручению Романова.

Ксения прошла в квартиру.

Игорь Мальцев сидел у окна.

Вернее, сначала Ксения увидела не его, а комнату вокруг него. Низкий стол, две чашки, одна пустая, вторая с тёмной жидкостью. Медицинский модуль у стены. Стопка бумажных распечаток — настоящих, неэкранных, что в 2056 году

выглядело почти как оружие. На подоконнике — маленькое растение в пластиковом стакане. Сухое наполовину, но ещё живое. Из упрямства или по недосмотру.

Потом она увидела Игоря.

Ему было чуть больше сорока, но лицо казалось старше. Не из-за морщин. Из-за выражения человека, которому слишком долго объясняли, что с ним всё делается правильно. Волосы короткие, виски седые, скулы острые. На шее у ключицы — тонкая серебристая полоса медицинского порта. Она уходила под ворот свободной домашней рубашки.

Он сидел прямо. Слишком прямо для больного.

— Это она? — спросил он.

Голос был низкий, хриплый.

— Она, — сказал Смелов.

— Белая?

— Пока что, да.

Ксения посмотрела на Дмитрия.

— Очень профессионально.

— Здесь любят точность, — сказал Игорь.

Он повернул голову к ней. Медленно. На столе рядом с ним лежал браслет медицинского мониторинга, отключённый.

— Ксения Ветрова, — сказала она. — Адвокат.

— Чей?

Хороший вопрос.

— Пока ничей.

— Тогда зачем пришли?

— Понять, есть ли основания для обеспечительных мер по вашей медицинской невролизе.

Игорь коротко усмехнулся. Усмешка перешла в кашель. Он отвернулся, приложил к губам салфетку. На белой бумаге осталось небольшое тёмное пятно.

Ксения заметила, но ничего не спросила.

— Основания, — повторил он. — Они любят это слово. Как будто человеку плохо просто потому, что он плохо обосновал.

— Мне нужны факты.

— Факты в модуле.

— Модуль отключён.

— Потому что он передаёт не врачу. Он передаёт им.

Ксения посмотрела на медицинский блок у стены.

ДОМАШНИЙ МОНИТОРИНГ / КРАСНЫЙ СТАТУС

**ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ: ПРИОСТАНОВЛЕНА
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ**

РИСК НЕСОТРУДНИЧЕСТВА: ПОВЫШЕН

— Если вы отключаете мониторинг, это ухудшает позицию.

— Если я включаю мониторинг, они пишут, что я нестабилен.

— На основании чего?

Игорь улыбнулся. Некрасиво.

— На основании того, что мне больно.

Смелов подошёл к окну, но не сел. Ксения поняла: в этой квартире он не позволял себе занимать место, которое могло понадобиться Игорю. Вина иногда проявлялась не словами. Иногда — тем, как человек стоит.

— Расскажите про коррекцию, — сказала она.

— Вам Дмитрий не рассказал?

— Мне нужны ваши слова.

— Мои слова ухудшают мой профиль.

— Эта встреча адвокатская.

Игорь посмотрел на неё почти с жалостью.

— Вы правда в это верите или это для протокола?

Ксения не ответила. Он кивнул, будто получил подтверждение.

— Я был серым. Неприятно, но жить можно. Работа с ограничениями, жильё без центра, транспорт с задержками. Никаких смешанных маршрутов после десяти вечера. Никаких публичных выступлений без фильтра. Нормальная жизнь пониженной категории.

— За что серый?

— За несогласованную экспертную активность.

— Переведите.

— Я подписал заключение, что модель путает риск преступления с риском неподчинения. Дмитрий дал расчёты. Я подтвердил методологию.

— Вы понимали последствия?

— Нет. Я был дураком. Думал, если написать аккуратно, они ответят аккуратно.

Смелов отвернулся к окну.

Игорь посмотрел на него.

— Не делай вид, что это не про тебя.

— Я и не делаю.

— Делаешь. Стоишь у окна как памятник ошибке.

— Игорь.

— Что? Она же пришла за фактами.

Ксения молчала.

Это была первая неотредактированная сцена за день. В суде люди говорили для протокола. У Романова — для результата. Смелов говорил так, чтобы смысл прошёл через фильтр и всё равно выжил.

Игорь говорил потому, что ему было уже всё равно, как это будет выглядеть.

— После заключения меня вызвали на добровольную коррекцию, — продолжил он. — Неофициально, конечно. Официально это называлось программой стабилизации нейроправового профиля.

— Кто Вам это предложил?

— Оператор допуска. Через медицинский контур.

— Какие были условия?

— Если прохожу курс, остаюсь серым с перспективой возврата в белую зону. Если отказываюсь — повторный расчёт без стабилизации.

— То есть красный.

— Они так не говорили.

— Но вы понимали.

— Все всё понимали.

Он сказал это без злости. Злость требовала сил.

— Первая процедура была терпимой. После второй начались провалы. Время кусками. Речь иногда ломалась. Руки перестали слушаться, когда профиль фиксировал всплеск. Чем хуже мне становилось, тем хуже становился профиль. Чем хуже профиль, тем меньше медицины мне давали без сопровождения.

— Почему вы отказались продолжать?

Игорь посмотрел на неё долго.

— Потому что после третьей я бы стал белым.

Ксения не сразу поняла. Смелов закрыл глаза.

— Объясните, — сказала она.

— Они не лечили меня, Ветрова. Они сглаживали реакции. Убирали пики. Делали меня удобным. После второй процедуры я перестал злиться на то, на что нормальный человек должен злиться. Я смотрел на свой отказ и думал: формально верно. Понимаете?

Ксения поняла слишком хорошо.

— Вы испугались не побочных эффектов.

— Побочные эффекты хотя бы были моими.

В комнате стало тихо.

Где-то за стеной ребёнок засмеялся, потом сразу замол-

чал. Не потому, что его остановили. Просто в красном секторе даже дети быстро учились, какая громкость безопасна.

Ксения открыла на планшете отказ в медицинской визе.

— Здесь указано, что вы представляете риск агрессивной реакции при транспортировке в белую клиническую зону.

— Я однажды ударил медицинского ассистента.

— Это в материалах есть?

— Конечно. Они это любят.

— Почему ударили?

— Он сказал, что согласие на третью процедуру упростит всем жизнь.

— **И?**

— Я решил не упрощать.

Ксения сделала пометку. Интерфейс предложил нейтрализовать формулировку. Она закрыла предложение.

— Вы понимаете, что нападение на ассистента делает отказ в визе устойчивым?

— Да.

— И всё равно хотите оспаривать?

— Нет.

Она подняла глаза.

— Нет?

— Я хочу лечиться. Оспаривать хочет Дмитрий.

Смелов обернулся.

— Игорь.

— Что? Она должна знать. Мне уже не нужен великий процесс. Мне нужен врач, который не будет спрашивать у моего паспорта, можно ли мне помочь.

— Без процесса визы не будет.

— А с процессом она будет когда? После того как я красиво умру в материалах дела?

Смелов ничего не сказал.

Ксения впервые увидела, как он проигрывает спор. Не системе. Человеку.

Игорь перевёл дыхание. На шее у порта коротко мигнул жёлтый индикатор, потом погас.

— Извините, — сказал он Ксении. — Это не к вам.

— Ко мне тоже.

Он усмехнулся.

— Быстро учитесь.

— Не обольщайтесь.

— Это у вас у всех любимая фраза?

Смелов почти улыбнулся.

На секунду в комнате появился воздух, не прошедший через НейроКонтур.

Потом медицинский модуль у стены включился сам.

ВНИМАНИЕ.

ФИКСИРУЕТСЯ НАРУШЕНИЕ РЕКОМЕНДОВАННОГО РЕЖИМА МОНИТОРИНГА.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ МАЛЬЦЕВ И.А. ОБЯЗАН ВОЗВООБНОВИТЬ ПЕРЕДАЧУ ДАННЫХ.

ОТКАЗ МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА РЕШЕНИЕ О МЕДИЦИНСКОЙ НЕЙРОВИЗЕ.

Игорь не посмотрел на модуль.

— Вот врач, — сказал он. — Всегда приходит вовремя.

Ксения встала и подошла к блоку.

— Можно отключить звук?

— Нельзя, — сказал Смелов.

— Почему?

— Он считается частью медицинского информирования.

— Информирования кого?

— Системы.

Ксения посмотрела на экран. Там была кнопка: **ВОЗ-ОБНОВИТЬ ПЕРЕДАЧУ**. Ниже — менее заметная: **ОТЛОЖИТЬ НА 15 МИНУТ С УКАЗАНИЕМ ПРИЧИНЫ**.

Она нажала вторую. Появилось поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.